

УДК 364.4

**МАТЕРИАЛЫ ОПИСАНИЙ 1685–1687 гг.
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ
В КАЗАНСКОМ УЕЗДЕ**

Д.А. Мустафина

Аннотация

Статья посвящена анализу малоизвестных широкому кругу исследователей материалов описаний Казанского уезда 1685–1687 гг. Рассматриваются возможности применения этих материалов для изучения различных форм феодального землевладения и социальных категорий. Представленный фактический материал вкупе с письменными материалами начала и середины XVII в. позволяет изучить динамику социоэкономического развития территорий Среднего Поволжья.

Ключевые слова: землевладение, писцовые описания, Казанский уезд.

Ряд писцовых книг Казанского уезда сохранился в фондах Поместного приказа (ф. 1209), а выписи из них – в фонде Грамот Коллегии экономии (ф. 281) Российского государственного архива древних актов (РГАДА). К их числу принадлежит и один из малоизвестных научной общественности комплексов писцовых записей, ставших объектом нашего внимания: это подшивка материалов описания земель, переписи населения и межевания владений в Казанском уезде, состоявшихся в 80-е годы XVII в.

Перепись 1685–1687 гг. проводилась в Казанском уезде в рамках очередных валовых описаний, обусловленных изменением принципа обложения – переходом от посошного обложения к подворному [1, с. 300], и в связи с участившимися земельными и межевыми спорами. Ревизии предыдущей переписи дворов и населения, состоявшейся в конце 70-х годов этого же столетия, придавалось немалое значение, так как надежды правительства на ощутимую прибавку доходов казны после введения подворного обложения явно не оправдались. Конфликты и недовольство же порождались, с одной стороны, реализацией указа об отписке части владения в казну за неявку на службу [2, с. 854] и пожалованиями поместных земель в вотчину [2, с. 877–878], активно осуществлявшимися после Крестьянской войны под предводительством С.Т. Разина и русско-турецкой войны. С другой стороны, нелогичность и слабая продуманность курса правительства в отношении нерусских феодалов (кампания по конфискации в казну сначала половины, а затем и всего земельного владения некрещеной части населения, последующее распоряжение о возврате отобранных поместий и вотчин нехристианам) [3, с. 403, 456, 471–472, 759, 760], существование противоречащих друг другу норм, разрешающих и запрещающих

«переходы» земель от одного владельца к другому [2, с. 1007, 1029; 3, с. 24; 4, с. 37–62], делали неизбежной неразбериху в сфере земельной собственности. Поэтому решение вопросов отвода и разграничения поместий и вотчин, юридического оформления права собственности, наделения крестьян землей и угодьями, раскладки податей и т. д. стало безотлагательной общегосударственной задачей.

Описанию предшествовала разработка наказа писцам, затянувшаяся фактически более чем на три года: сказались и смерть царя Федора в апреле 1682 г., и стрелецкие мятежи, и борьба за власть [1, с. 301–302]. Тем не менее к апрелю 1684 г. наказ, адресованный направляемым в Московский уезд писцам [2, с. 590–617], был составлен, и в августе 1684 г. началась отправка писцов в города. Прошло чуть менее двух лет, и по указу от 2 июля 1686 г. из-за подготовки к походу на Крымское ханство переписчики были отозваны в Москву к 10 августа [1, с. 303–304]. Судя по сообщению писцов в преамбуле к перечневой росписи, описания в Казанском уезде начались в 7193 (1684/85) г. [5, л. 1].

Между тем в самом тексте учетных записей самой ранней датой регистрации поместного владения является 28 июля 1685 г., а самой поздней – 12 сентября 1686 г. Характерно также, что запастись необходимыми для представления писцам в доказательство своих владельческих прав «крепостями», то есть ввозными грамотами и выписями из писцовых книг, землевладельцы стали начиная с 712 (1683/84) г. Значит, в Казани знали о грядущей переписи и готовились к ней. Вероятно, писцы действительно приступили к работе осенью 1684 г., а оформление белого варианта описаний состоялось позднее. Описания в уезде к августу 1686 г., как этого требовал вышеназванный царский указ, не были прекращены. Это могло быть связано с тем, что набором писцов по обращению Поместного приказа занималось центральное ведомство, управлявшее регионом, – Приказ Казанского дворца, и оно привлекло к работе наиболее авторитетных, находящихся уже в отставке и проживающих в данном регионе служилых, а может быть в отношении уезда, вовлеченного в вооруженные выступления 1682–1683 гг., действовали несколько отличные от общих установки. Во всяком случае писцы работали «по указу царей Ивана и Петра Алексеевичей и по наказу из приказа Казанского дворца за приписью дьяка Семена Струкова». Упомянутый писцами наказ, к сожалению, не сохранился, а известные науке сведения о служебной карьере С. Струкова не позволяют определить точное время составления распоряжения [6, с. 498]. К 30 января 7194 (1686) г. писцы закончили составление первого раздела перечня. Второй его раздел руководитель описаний стольник Иван Иванович Кайсаров 24 января 7195 (1687) г. подал в Поместный приказ [5, л. 1, 25–25об.]. Вместе с тем описания остались незавершенными.

Особенностью данной валовой акции стало и то, что на каждую из пяти «даруг» были направлены свои писцы. В фондах РГАДА нам удалось выявить материалы описаний 1685–1687 гг. Зюрейской, Ногайской, Алатской дорог. По упоминаниям в актах известны имена проводивших описания по Галицкой дороге. Сведений же об описаниях Арской дороги обнаружить не удалось.

Материалы описаний Зюрейской дороги отложились в виде двух подшивок, то есть единиц хранения под № 434 (подлинник) и № 645 (список) в фонде 1209 РГАДА. Книги включают в себя пять составляющих:

1) перечневые книги, или роспись (перечень) землевладельцев с указанием итоговых данных о количестве зависимого населения (крестьян, бобылей, за дворных и т. д.) и размеров основных статей владения (пашня, сенные покосы, лес), описанных в июле-октябре 1685 (7193/7194) г.;

2) перечневые книги, или роспись (перечень) землевладельцев с указанием итоговых данных о количестве зависимого населения (крестьян, бобылей, за дворных и т. д.) и размеров основных статей владения (пашня, сенные покосы, лес), описанных в июле-сентябре 1686 (7194/7195) г.;

3) «полевые» книги письма и меры;

4) межевые книги поместных и вотчинных владений;

5) описание ясачной деревни Татарская Черемыш.

О неоднородности уцелевшей рукописи было известно составителям «Описания документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции», включившим их в опись под отдельными номерами последовательно друг за другом [7, с. 84–85]. Упорядочение материалов по хронологии привело к размещению указанных частей книги в разных местах справочника-перечня документов, составленного И.П. Ермолаевым [8, с. 185–186, 193, 196, 197].

Писцы осуществляли свою деятельность в соответствии с наказом, который явно повторял основные положения-статьи наказа 1684 г. Доказательством тому служит ряд моментов: регистрация поместных и вотчинных владений по отдельности, приведение итоговых подсчетов после групп селений, переписи земель различных категорий землевладельцев, приведение списка землевладельцев перед текстом в беловом варианте писцовой книги, наконец, рукоприкладство самого собственника и понятых (за неграмотных расписывались священники) к материалам описаний и т. д. Все эти требования, как и обязательное ознакомление под расписку землевладельцев с теми статьями Наказа, которые очерчивали круг функциональных обязанностей писца и собственника, видимо, выполнялись переписчиками достаточно добросовестно.

Мы располагаем результатами описаний 57 собственников, в том числе двух монастырей – Казанского Троице-Сергиева и Казанского Спасо-Преображенского, двух церквей – в селах Большая Шахазда и Пестрецы, и одного случая отписки поместья в казну за владение без документального оформления за собой, то есть без «дач». Из оставшихся 52 человек пятеро (9.6%) владели землями на поместном и вотчинном праве, один (1.9%) – лишь на вотчинном праве. Был зафиксирован один случай нераздельного владения землями группой помещиков и 9 случаев совместного держания жеребьев родственниками. Эти факты указывают на относительно недавнее вступление упомянутых лиц в права владения, тем более, что в качестве удостоверяющих право собственности документов лишь в шести случаях были представлены грамоты, выданные за 5–23 года до начала данной писцовой акции, в одном случае писцам пришлось довольствоваться «скаской» недоросля. Самыми ранними ввозными грамотами, представленными писцам, стали акты 7129 (1620/21), 7137 (1628/29) и 7152 (1643/44) гг. В 22 случаях писцы прибегли к использованию «сказок» в дополнение к грамотам

и выписям из писцовых книг. В пяти случаях были приняты во внимание челобитные собственников. В ряде случаев было подтверждено юридическое значение выписей из писцовых книг С. Волынского 7157 (1648/49) г., отдельных и отказных книг 7193 и 7194 (1685/86) гг., а также поступной и «зделошной» записей, полюбовного договора о «мене». Подавляющая часть земельных собственников предъявила ввозные грамоты 7192–7193 (1683–1685) и даже 7196 (1687/88) гг.

Отсюда напрашивается заключение, что документов, подтверждающих право владения землями, большинство не имело (или они были утрачены) и запросило их уже в ходе переписи. Думается, что во время предыдущей переписи 7186 (1677/78) гг. аналогичную документацию писцы тоже требовали предъявить, и она должна была быть у землевладельцев «под рукой». Если же учесть, что многие получили свои жеребьи по наследству, то получается, что землевладельцы не считали нужным переоформлять владения на собственное имя. Поскольку валовая писцовая акция носила нотариальный характер, постольку и сами собственники стремились воспользоваться ее широкими юридическими полномочиями. Данное обстоятельство подтверждается и удельным весом сохранившихся именно от начала 80-х годов ввозных грамот, а также упоминанием фактов, свидетельствующих о случаях скрытой торговли под видом мены земли, о свозе крестьян, о «сдаче» земли и т. д.

По материалу описаний видно, что поместье оставалось преобладающей формой земельной собственности. Владения более чем у трети (34.6%) феодалов располагались в одном месте и составляли один жеребей, трое феодалов (Федор Черников-Онучин, Афанасий Азарьев, Никита Змеев) имели по несколько поместных жеребьев в 4 населенных пунктах и одной пустоши. Земли троих помещиков были записаны в трех селениях, у четверти (25%) – в двух поселениях. При этом у девяти человек (17.3%) не было поместных дворов, у одного – вотчинного двора, а за семерыми (13.5%) были отмечены «поместные места», в четырех случаях (братья Болховские, Веригин и Хвостов, вдова Леонова с золовкой, вдова Макарова с двумя малолетними детьми) поместные дворы оказались совместными. Было зарегистрировано шесть прожиточных жеребьев за вдовами (11.5% от общего числа собственников). Последние факты подтверждают, на наш взгляд, как неизбежную смену поколений, так и отсутствие заинтересованности или проявление невозможности-неспособности определенной части помещиков к развитию своего хозяйства.

Материалы описаний позволяют представить обеспеченность землей учтенных землевладельцев. Условно среди них можно выделить четыре группы: наиболее крупных (высший разряд) феодалов, среднюю, мелкую и низшую группу служилых. К высшему разряду служилых мы отнесли имевших по 100 и более четвертей земли в одно поле. Их оказалось 10 человек (19.2%). При этом четверо из них (7.6%) имели более 300 четв. пашенной земли, 78.5–180 дес. сенных покосов, трое (5.7%) – от 100 до 120 четв. пашни и 10–27 дес. сенных покосов, трое же – от 120 до 142 четв. пашни и 48–106 дес. сенных покосов. Ко второй группе средних феодалов мы отнесли 11 человек (21.1%), имевших от 51 до 100 четв. земли, 0–57 дес. сенных покосов. Удельный вес мелких служилых, имевших от 26 до 50 четв. пашни, составил четвертую часть зарегистрированных:

их оказалось 12 чел. (25%), площади их лугов колебались от 3 до 13.5 дес. Почти треть землевладельцев – 17 чел. (32.7%) – относились к низшей группе малообеспеченных, они имели менее 25 четв. земли и от 0 до 16.6 дес. сенных покосов. Заметим, что описания коснулись земель главным образом русских помещиков (93.4%), были учтены угодья лишь трех служилых татар и одного новокрещена «с товарищи». Один из служилых татар, относящийся к последней группе, пашенной земли не имел, а владел лишь лугами площадью в 16.6 дес., у двух других луга составляли примерно такую же площадь, но за ними в совместном владении было записано 10 четв. пашни.

Как видим, у двух третей землевладельцев имелась достаточная материально-хозяйственная база для жизнедеятельности. Именно эта часть имела и феодально-зависимое население (61.5%), при этом за четверть (12.5% от общего количества феодалов – 32 человека) были и бобыльские дворы. Общее количество учтенных крестьянских и бобыльских дворов составило 340, численность населения мужского пола в них – 1409 человек. В это число вошли дворы и количество населения, зафиксированные за монастырями.

По привлеченным к анализу материалам видно, что именно монастыри были самыми крупными феодалами Зюрейской дороги. Вотчины Казанского Спасо-Преображенского монастыря были описаны в трех селениях: дер. Большие Клыки, дер. Самосырово, сельце Меньшие Клыки. Общая площадь его пахотных угодий составила более 1068 четв. «средней» земли, что с наддачей (!) составило 854.5 четв. «доброй»; лугов – 106 десятин и 2 копны; поперстного лесу в длину было 25.5 десятин и 10 сажень, а поперек 17.5 десятин и 7 сажень. Крестьянских и бобыльских дворов насчитывалось 42, людей в них – 169 человек. Любопытно, что, по данным С. Волынского от 7156 (1647/48) г., за этим монастырем было записано 582 дес. (1164 четв.). Казанский Троице-Сергиев монастырь в селе Пестрецы и дер. Карамыш Уланово, по данным И. Кайсарова, имел более 561 четв. «доброй» земли. Дворов феодально-зависимого населения было описано 87, количество лиц мужского пола в них составило 306 человек. По данным С. Волынского 7157 (1648/49) г., за Троицким монастырем в этих населенных пунктах числилось 784 четв. [9, с. 79, 184–185, 187]. Почему произошло сокращение вотчины – сказать трудно.

И. Кайсаров «с товарищи» успели описать 25 населенных пунктов, расположенных к северо-востоку от города Казани: 5 сел, 5 селец, 10 деревень, 1 починок и 4 пустоши.

Материалы описаний по Ногайской дороге сохранились лишь в виде двух выписей из писцовых книг «письма и меры», выданных стольником Романом Ивановичем Хвостовым и подьячим Алексеем Никоновым, осуществлявшими перепись. Первая выпись была выдана митрополиту Казанскому и Болгарскому Иосафу 24 ноября 1685 г., вторая – митрополиту Адриану в ноябре 1686 г. [10]. По своей структуре обе выписи соответствуют параметрам писцовых «полевых» книг И.И. Кайсарова. В них приведен поименный состав населения дворов митрополичьего, крестьянских и бобыльских, затем указаны размеры пахотной земли в селении и площади лугов. Земля, как и по Зюрейской дороге, измерена в четвертях, хотя по наказу 1684 г. это следовало делать в десятинах. Описание отличал учет сенных покосов в копнах, а не в десятинах.

Дом митрополита уже к началу XVII столетия стал одним из крупнейших вотчинников в Среднем Поволжье. Достаточно сказать, что площади его пахотных угодий в Казанском уезде в период между описаниями 1565/1568 гг. и 1602/1603 г. увеличились в два раза – с 3433.5 четв. до 6470.5 четв., а, по данным Р.И. Хвостова, различной пахотной земли за ним было зарегистрировано 8150 четв. лишь по одной Ногайской дороге. На фоне роста земельных площадей наблюдалось сокращение количества крестьянских дворов в 1.5 раза и, наоборот, рост количества бобыльских дворов в 1.6 раза. На этот процесс помимо чисто экономических причин влияли, безусловно, и другие. Например, эпидемии, особенно 1656 и 1674 гг., а также выведение нерусского населения из владений митрополита. Именно по этой причине некоторые селения в промежутке между переписью 1646 года и 1680-х годов превратились в пустоши. Так, Р.И. Хвостов зарегистрировал появление двух пустошей, ранее, в середине столетия, значившихся деревнями (Чарлаки и Шишкина).

В общей сложности объектом рассматриваемых описаний стали 24 населенных пункта: 7 сел, 10 деревень, 7 пустошей. Данный материал отражает экономическое состояние митрополичьей вотчины и служит весьма ценным и необходимым звеном для исследования развития данной вотчины в XVII в. Он незаменим при изучении вопросов о дворности поселений, рабочих возможностях двора, изменении состава населения, о времени побегов крестьян, эволюции землевладения кафедры.

Заметим, что писцы в 1685–1686 гг. зафиксировали факты присутствия в вотчине митрополита крестьян-выходцев из Галицкого и Двинского уездов, подтверждающие существование более тесных контактов Среднего Поволжья с северо-восточными областями страны, чем это представлялось. Весьма интересны наличие в домово́й вотчине дворов каменщиков, кузнецов и хлебника, упоминания о «построившихся дворами» после 7186 (1677/78) г., свидетельств совпадения бегства населения с годами переписей – известий, позволяющих восполнить картину хозяйственного функционирования митрополичьей вотчины в XVII столетии.

В поле зрения писцов стольника Василия Семеновича Большого Сытина и подьячего Никиты Шепелева в 7193–7194 (1684/86) гг. оказались церковно-монастырские, дворцовые и поместные владения, входившие в состав Алатской дороги [11]. Описания производились на «подгородных сенных покосах» и в 21 населенном пункте: в 1 селе, 1 сельце, 10 деревнях, 8 пустошах и 1 старом городище под Казанью.

Основанием для юридического закрепления земельной собственности стали преимущественно ввозные грамоты и выписи из писцовых книг Н.В. Борисова «с товарищи» 7074–7076 (1565–1568) гг., Недая Саламыкова 7109 (1600/1601) г., Ивана Скобельцына «с товарищи» 7131–7132 (1622–1624) гг., Семена Волынского «с товарищи» 7162 (1653/54) г. Самым ранним по времени предъявленным документом стала ввозная грамота 7115 (1606/1607) г. за приписью Никанора Шульгина. Писцы столкнулись с необходимостью разрешения спора между Казанским Троицким и Казанским Богородицким женским монастырями. Они были вынуждены специально обратиться к казанскому воеводе князю Ивану Ивановичу Голицыну с просьбой проследить по всем не потерявшим юридического

значения документам историю перехода из рук в руки подгородных сенных покосов, на которые, кроме названных монастырей, стала претендовать в лице стряпчего Григория Гиневича и митрополичья кафедра [12, л. 1–10]. В подавляющем же большинстве случаев писцы сослались на ввозные грамоты и выписи, выданные владельцу в ходе собственного писцового описания.

На наш взгляд, уцелевшие материалы представляют собой перечневые росписи владений, ибо отсутствует поименное перечисление во дворах крестьян и бобылей. Особенностью данных писцовых материалов является постоянно приводимое примечание о невозможности заключения о количественном изменении дворов феодально-зависимого населения: «а крестьянских дворов <...> прибыло или убыло, того неведомо, потому что с переписных книг [7]186-го г. и ни с коих книг списков к писцовому делу не дано» [11, л. 103об., 108об., 112об.]. Этот сюжет в вышерассмотренных писцовых материалах затронут не был. Кроме того, в материалах В.С. Сытина и Н. Шепелева нашли отражение результаты активной хозяйственной деятельности собственников: были зафиксированы «старые дачи» и «примерная земля», крестьяне «старые» и «пришлые». Характерно, что «ожилением» пустошей, в целом расширением своих земель занимались и служилые татары из деревень Сая, Аблы, Алишево и из слободы Казани. Думается, появление дополнительных сельскохозяйственных угодий имело место не только по Алатской дороге, но писцы других административно-территориальных единиц уезда эту особенность не сочли необходимым специально оговаривать. Стольник В.С. Сытин, по-видимому, отошел от требований наказа 1684 г., как, впрочем, и в ряде случаев при описании жеребьев служилых татар, так как их поместья не всегда находились «в особой даче», а располагались «в разных полосах» с ясачными людьми.

В общей сложности писцами было учтено 275 крестьянских и 125 бобыльских дворов, численность принятого в расчет населения составила 1116 человек. Пахотных угодий «старой дачи» оказалось 2880 четв. в поле, сенных покосов – без малого 1006 дес. Примеренной земли оказалось 2299.5 четв. пашен и 125 дес. сенокосов. В совокупности площадь зафиксированных пахотных земель составила 5172.5 четв., луга занимали почти 1131 дес.

Таким образом, в данной статье проанализированы лишь некоторые аспекты источниковедения писцовых материалов 1685–1687 гг., но даже этот краткий экскурс показывает, сколь они информативны и уникальны для изучения социально-экономического развития региона Среднего Поволжья в XVII столетии.

Summary

D.A. Mustafina. Materials of Kazan District Description 1685–1687 as a Source on Land Tenure History.

Materials of Kazan district written descriptions remain mostly unknown for a wide range of researchers. The present article reveals the possibilities for researching different forms of feudal land tenure and social categories on the basis of these materials. Newly introduced factual materials along with written materials of early and mid 17th century allow studying the dynamics of Middle Volga territories socioeconomic development.

Key words: land tenure, cadastre descriptions, Kazan district.

Источники и литература

1. *Веселовский С.Б.* Материалы по истории общего описания всех земель Русского государства в конце XVII в. // Ист. архив. – М., 1951. – Т. 7. – С. 300–396.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: 45 т. – СПб., 1830. – Т. 1. С 1649 по 1675 гг. От № 1 до № 618. – 1063 с.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: 45 т. – СПб., 1830. – Т. 2. С 1676 по 1688 гг. От № 619 до № 1327. – 978 с.
4. *Ногманов А. И.* Самодержавие и татары: очерки истории законодательной политики второй половины XVI – XVIII веков. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2005. – 216 с.
5. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 434. – 381 л.
6. *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие в XV – XVII вв. – М.: Наука, 1975. – 607 с.
7. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. – СПб., 1869. – Т. 1. – 439 с.
8. *Ермолаев И.П.* Казанский край во второй половине XVI – XVII вв.: Хронологический перечень документов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980. – 264 с.
9. Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов / Сост. И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. – М.: Ин-т Рос. истории РАН, 2001. – 541 с.
10. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 281. Грамоты коллегии экономии. – Оп. 12. – Д. 134/6542; 138/6546.
11. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 1. – 125 л.
12. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 281. Грамоты коллегии экономии. – Оп. 12. – Д. 135/6543.

Поступила в редакцию
21.05.08

Мустафина Дина Абдулбаровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры татарского народа Казанского государственного университета.
E-mail: maktub29@yandex.ru